

чатырнаццаці. Як мы бачылі, варыянтнасць назіраецца ў шасці выпадках (два ў адзіночным ліку і чатыры ў множным). У жаночым родзе патэнцыяльная парадыгма таксама складаецца з чатырнаццаці форм, але розных максімальна налічваецца восем (у назоўнікаў на *-a*). Варыятыўнымі аказваюцца тры. З чатырнаццаці патэнцыяльных форм ніякага роду неаманімічныя пяць. Варыянтнасць у іх перыферыяная, індывідуальная, таму можна лічыць, што цяжкіх выпадкаў, у адрозненні ад мужчынскага ці жаночага роду, няма. Такім чынам, з сарака дзвюх віртуальных форм для ўсіх трох родаў існуе дваццаць дзве. Пры гэтым варыянтнасць назіраецца ў дзевяці з іх (каля 40%).

Паза межамі агляду засталіся тыя факты, адносна якіх адзінства няма: ці лічыць іх рэгіянальнымі, ці нелітаратурнымі, ці выпадковымі, ці няма-савымі. Прыведзеныя назіранні закранаюць толькі бяспрэчныя, прызнаныя ўсімі даследчыкамі «пункты напружання» сербскага скланення. І нават гэтага дастаткова, каб паказаць цяжкасць сербскахарвацкай мовы для вывучэння і кадыфікацыі. Такая стратэгія сведчыць і пра пільную неабходнасць масавага статыстычнага вывучэння сербскахарвацкай мовы. Яно дапаможа выявіць сапраўдныя дамінанты, тэндэнцыі, правесці абгрунтаваную, адпаведную рэальнасці кадыфікацыю. Тым болей што наспела патрэба ў новых слоўніках і ў апісальных граматыках.

Літаратура

1. *Невекловский Г.* Языковое состояние на территории распространения бывшего сербскохорватского языка // *Славяноведение*. 2001. № 1. С. 39–58.
2. *Толстой Н.И.* История и структура славянских литературных языков. М., 1988. С. 186–194.
3. *Цивьян Т.В.* Имя существительное в балканских языках. М., 1965.
4. *Језички приручник / Ивић П. и др.* Београд, 1991.
5. *Ćirilov J.* Srpsko-hrvatski rečnik varijanti. = Hrvatsko-srpski rječnik inačica. Beograd, 1989.

РИМЕЙК Г. ГОРИНА «КОРОЛЕВСКИЕ ИГРЫ»

Е. Г. Таразевич

Пьеса Г. Горина «Королевские игры» вызвала интерес не только у театралов, но и у литературоведов. Необычность ее в том, что автор по-новому интерпретирует известный сюжет о короле Англии Генрихе VIII и его жене Анне Болейн, трансформируя трагедию М. Андерсона «Тысяча дней Анны Болейн» в трагикомедию и основательно переделывая ее как на уровне содержания, так и на уровне формы.

Замысел пьесы возник неслучайно. В 1997 году М. Захаров задумал на основе пьесы М. Андерсона «Тысяча дней Анны Болейн» спектакль в

жанре «оперы для драматического театра», однако стихотворная форма не вполне устраивала режиссера. Театр обратился к Г. Горину с просьбой сделать новую редакцию пьесы.

В результате кропотливой работы появился римейк Г. Горина «Королевские игры» (1997), который идет с огромным успехом в театре «Ленком». По свидетельству автора это абсолютно новое произведение: «...поскольку от первых репетиций американской пьесы в ней остался лишь список персонажей. Мне всегда казалось, что сегодня человек страдает не только от отсутствия экологически чистого воздуха и продуктов. Дефицит сильных чувств и страстей не менее губителен для человеческой природы. Рассудочность и унылость бытия, в которую все больше погружается человечество, мне кажется, способны повернуть эволюцию в обратную сторону и превратить нас всех в хладнокровных рептилий. Так стала сочиняться моя пьеса» [1, с. 18].

Что же свидетельствует о том, что перед нами римейк? Г. Горин практически сохраняет соотношение главных и второстепенных персонажей, за исключением последних четырех, так как они не нужны для сюжетной структуры.

М. Андерсон «изобразил сложное переплетение человеческих страстей, политических расчетов и экономических интересов, сумел вдохнуть в свое произведение дух подлинной трагедии» [2, с. 30], показывая дворцовую жизнь эпохи короля Генриха VIII.

Г. Горин, в свою очередь, превращает средневековую трагедию в трагикомедию, экстраполируя ее на современность. Формально сохраняя андерсоновский конфликт (столкновение двух непримиримых характеров Анны и Генриха VIII), он переносит его в другую плоскость.

Анна и Генрих по-прежнему противостоят друг другу, но это уже жестокая и бескомпромиссная борьба за престол со стороны Анны: «Но нет во мне ни благодарности, ни страха! Когда бы он на мне женился и сделал королевой, тогда – пожалуйста! Рожу ему мальчишек! Но только так! На меньшее не соглашусь!» [1, с. 26]. В трагедии М. Андерсона Анна представлена смелой и сильной женщиной. Она наделена редкостным и прекрасным качеством – человечностью. Но перед лицом искушений, которым подвергает ее почти неограниченная власть, человечность Анны не выдерживает испытания. Она становится причиной смерти лучших людей страны, не пожелавших поступиться ради спасения собственной жизни своими принципами. Трагический конец Анны глубоко мотивирован. Не только злая воля Генриха (исторический Генрих VIII обвенчался с Джейн Сеймур на следующий день после казни Анны), но и собственные ее достоинства – женская гордость, любовь к дочери и забота о ее благе – неумолимо толкают Анну к гибели.

У Г. Горина королева Анна расчетлива и жестока, ее ничто не может остановить. Она понимает, что Генрих в ее власти, и умело пользуется этим. Анна Болейн добилась своей цели и стала королевой, но этого мало для укрепления ее прав. Она мечтает, чтобы после смерти Генриха правила их дочь Елизавета. Именно здесь Анна совершает просчет, так как на это не смог пойти даже сам король. В данной ситуации он просто бессилен: «Ах, Анна! Вот плоды твоей игры по переделке века в просвещенный. Философы в тюрьме, поэты лезут в петлю... Народ вопит! Парламент протестует! И сам король, как укрощенный зверь, по клетке мечется!» [1, с. 42].

Если у М. Андерсона в финале пьесы Анна осознает свою вину перед несправедливо казненными и готова искупить ее своей собственной смертью, что свойственно трагедии, то у Г. Горина она сражается до конца. Даже перед смертью, видя умопомрачения Генриха, его беспомощность, Анна манипулирует его чувствами и просит лишь об одном: «Ты мертвую меня любить еще сильнее станешь! И значит, наша дочь взойдет на трон! Елизавета станет Первой!!!» [1, с. 50].

Трансформацию претерпевает образ Генриха VIII. М. Андерсон показал короля образованным и щедро одаренным человеком, автором антилютеранского богословского трактата, за который папа Лев X присвоил ему титул «защитника веры». С одной стороны, он поэт (Андерсон использует в пьесе его подлинные стихи в первом действии), художник, умелый дипломат, крупный государственный деятель, а с другой – искалеченный грубыми чувственными удовольствиями, корыстолюбец. Он проливает кровь своих близких друзей, тысяч невинных жертв, казнит великого автора «Утопии» Томаса Мора, и предстает к концу пьесы окаменевшим душой человеком, тираном, которому Анна справедливо бросает в лицо слова: «Ведь ты не мудр, не праведен, не добр» [2, с. 118]. Генрих неприимим ни в чем, бескомпромиссен и очень опасен даже по отношению к самой Анне: «Ты думала добиться своего. Я думал, нет, я все-таки хитрее, и все пойдет, как я того хочу» [2, с. 186]. Бескомпромиссность привела Генриха и Анну к трагедии.

У Г. Горина король Генрих VIII трагикомичен. В пьесе он предстает как шут и весельчак, человек, не соблюдающий никаких атрибутов: «Без церемоний, Томас! Всего лишь – ваш король! Ваш – Генри» [1, с. 22]. В трагедии М. Андерсона король пишет стихи всерьез, а у Г. Горина он просто советует поэту Уайету поменять ту или иную «строчку», не придавая на самом деле никакого значения искусству: «Хорошие стихи... Там строчку переделать – будет чудо! Я подскажу где...» [1, с. 30].

Но за этой мнимой простотой скрывается опасный и коварный человек. Недаром Анна видит в нем убийцу: «Когда я вам гляжу в глаза, мне

почему-то видится убийца» [1, с. 25]. Однако под влиянием любви он меняется на глазах. Из легкомысленного ловеласа Генрих превращается во влюбленного без памяти человека. Он готов разорвать отношения с Ватиканом, не боится никаких восстаний. Генрих выполняет свое обещание – Анна становится королевой Англии: «Послушай, Энн, я четко выполнял все прихоти твои. Сказала – буду королевой? Стала! Сказала – церковь поменял! Сменил! Сменил друзей, привычки и костюм. Хожу вот, как петух во всем французском!» [1, с. 40]. Король казнит всех, кто не признает королевой Анну. Тем не менее, Генрих подписывает смертный приговор своей возлюбленной. Подписывает от бессилия перед ней: «Нет! Не могу! Проклятое создание: сперва сгубила душу мне, теперь и плоть! Пора решать!» [1, с. 43]. Любовь обернулась для него трагедией. Не случайно Анна говорит: «В безумном государстве, король имеет право быть безумным» [1, с. 50]. Хотя причиной его безумства является она сама.

В трагедии М. Андерсона оставлен открытым вопрос о причинах и следствиях: то ли это любовь и ненависть Генриха и Анны приводят к отпадению Англии от католицизма, реформации церкви и секуляризации монастырских имуществ, или, наоборот, потребность страны в ломке старых порядков и обновлении проявляет себя в столкновении их волей, то у Г. Горина венценосные страсти оказались губительными для многих ни в чем не повинных людей, абсолютная власть, которой обладали Генрих и Анна, развратила абсолютно.

Новую трактовку претерпевают и другие персонажи пьесы, например, лорд Норфолк. В трагедии М. Андерсона его судьба не лишена драматизма, однако у Г. Горина он трагикомичен. Норфолк готовится к надвигающимся переменам, планирует дальнейшую свою карьерную деятельность, не соблюдает никаких правил приличия. Именно дядя в последствии будет вести дело своей племянницы, станет участником не судебного дела, а дешевого фарса. И тогда раскрепощенность и вульгарность Норфолка сменится на угоднический тон, дабы выйти из сложившейся ситуации невредимым. Он не старался изменить ход судебного дела, а просто приспособился, дабы спасти свою жизнь.

Трансформирован Г. Гориним и Кромвель, человек без принципов и совести: «Я начисто лишен ее, милорд» [1, с. 32]. Он, как отличный психолог, рассчитал всю сложившуюся ситуацию. Кромвель далеко не бездарен, а мастер интриги. Именно он сделал Анну королевой, а потом в нужное время уничтожил. В пьесе Кромвель не говорит как у Андерсона, а действует с феноменальной жестокостью. Он предан лишь тому, кто в настоящий момент у руля власти. В образе Кромвеля драматург показал

тот тип людей, которые действуют, руководствуясь собственной выгодой.

Кроме главных действующих лиц, Г. Горин придал особый акцент образам Томаса Мора, епископа Фишера, Норриса и др. У М. Андерсона они показаны только как исторические личности, а у Г. Горина эти люди бросили вызов бесправию, вседозволенности и несправедливости. Они, (за исключением Смитона), остались до конца верны своим жизненным принципам, отказавшись принять новую королеву Англии и соответственно ее дочь: «Не признавая королевой Анну, – говорит Фишер, – я, к сожалению, не могу и дочь ее признать принцессой» [1, с. 41]. Тысячи людей томятся в тюрьмах лишь за то, что разделяют взгляды епископа Фишера и Томаса Мора.

Таким образом, Г. Горин модифицирует трагедию Максвелла Андерсона «Тысяча дней Анны Болейн» на уровне жанра (пишет трагикомедию), конфликта (жестокая борьба за престол со стороны Анны), однако драматург сюжет не изменяет, а только дает свою идейно-художественную трактовку.

Трагикомедия Г. Горина «Королевские игры» экстраполирует на современность, так как изображенная автором действительность страшна: в ней нет места порядочности, любви, благородству, служению идеалам добра.

Литература

1. Горин Г. Королевские игры // Современная драматургия. 1997. №4. С. 18–49.
2. Андерсон М. Тысяча дней Анны Болейн. М., 1988.

БЕЛАРУСКІЯ ПЕРАКЛАДЫ ЕВАНГЕЛЛЯ ПАВОДЛЕ МАЦВЕЯ: ТЫПЫ МОЎНЫХ АДРОЗНЕННЯЎ, ІХ КАНФЕСІЙНЫ І НАЦЫЯНАЛЬНА-КУЛЬТУРНЫ СЭНС

В. У. Фурс

Пераклад Святога Пісьма на нацыянальную мову знакавы для кожнага народа, бо сімвалізуе яго духоўнае адраджэнне, і істотны для мовы, бо можа дадаць аргументы на карысць існавання яе ў ролі «асноўнага канала камунікацыі ў грамадстве» [3, с. 270]. На Беларусі на працягу ўсяго XX стагоддзя няспынна вялася праца па перастварэнні тэкстаў Бібліі, выбары найбольш адпаведных моўных сродкаў.

1. ХРАНАЛОГІЯ І ГЕАГРАФІЯ БІБЛЕЙСКІХ ПЕРАКЛАДАЎ

Першымі пераклалі Новы Запавет на сучасную беларускую мову вядомы дзеяч беларускага Адраджэння Антон Луцкевіч і святар-